

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
21—23 июня 2012 г.

Российский потенциал в действии
ПРОГРАММА РОССИЙСКИХ РЕФОРМ: ПЛАН НА ПРЕДСТОЯЩЕЕ
ДЕСЯТИЛЕТИЕ

22 июня 2012 г. — 10:00—11:15, Павильон 4, Зал 4.3

Санкт-Петербург, Россия
2012 г.

Выступающие:

Рубен Аганбегян, Президент, председатель правления, ОАО «ММВБ-РТС»

Андрей Белоусов, Министр экономического развития Российской Федерации

Антон Силуанов, Министр финансов Российской Федерации

Р. Аганбегян:

Добрый день, дамы и господа! Спасибо вам огромное, что нашли время прийти на наш брифинг.

Сегодня мы проводим брифинг Антона Германовича Силуанова, министра финансов, и Андрея Рэмовича Белоусова, министра экономического развития. Мы будем работать следующим образом: я сейчас дам несколько минут для короткого вводного слова Андрею Рэмовичу и Антону Германовичу, после чего будем задавать вопросы, и, наверное, один—два вопроса задам я, пока вы придумываете свои. После этого, если есть вопросы у аудитории, мы дадим вам возможность их задать. Хотел бы отметить, что время работы у нас до 11:15, и мы хотели бы закончить вовремя. Поэтому просим вас вопросы задавать коротко. Спасибо огромное. Андрей Рэмович, Вам слово.

А. Белоусов:

Спасибо, Рубен.

Я предварительно хотел бы сказать несколько слов о том, как мы видим стратегически, как будет разворачиваться экономическая ситуация в России. Мы входим в особый этап нашего развития — этап, который существенно отличается в нескольких аспектах от того, как мы развивались в предшествующее десятилетие.

Первая важная особенность состоит в том, что мы входим в период стабилизации объемов добычи нефти. Я хочу напомнить, что в период до 2007 года темпы роста достигали 7—8% ВВП из этого объема, а порядка 3% ВВП мы обеспечивали за счет наращивания нефтяного экспорта. В обозримом будущем уровень добычи нефти, по прогнозам, стабилизируется примерно в объемах 510 миллионов тонн, поскольку темп роста внутреннего потребления нефти у нас будет где-то 1—2% в год, потому что расширяется автомобильный парк, растут внутренние потребности, а значит, при стабильных объемах добычи экспорт нефти будет иметь тенденцию к снижению. Это принципиально новая ситуация по сравнению с тем, что было

раньше, и это означает, что нефтяной экспорт из драйвера нашего экономического роста будет постепенно превращаться, скорее, в тормоз.

Вторая особенность состоит в том, что мы входим в период, когда уже невозможно откладывать модернизацию социальной сферы. Об этом вчера утром говорил Игорь Шувалов. За последнее десятилетие произошли достаточно существенные изменения в социальной структуре нашего общества. У нас действительно появился европейского уровня средний класс, это где-то 20—25% населения — те, кто предъявляет повышенные или, скажем так, нормальные требования к системам здравоохранения, образования, социального обеспечения. И сейчас уже разрыв между качеством этих систем, их способностью предоставлять нормальные услуги, с одной стороны, и, с другой стороны, общественным запросом к ней, стал очень быстро расти. Отсюда второе требование, императивное: осуществлять реформы социальных систем.

И третья особенность состоит в том, что для нас ближайшее десятилетие станет десятилетием повышения производительности труда. Мы сейчас вышли на уровень ВВП на душу населения порядка, если говорить точно, девятнадцати с небольшим тысяч долларов США. Это уже достаточно высокий уровень, свойственный восточно-европейским странам, но, по всем прогнозам, к концу десятилетия мы достигнем уровня 30—33 тысяч долларов США на душу населения. Это сегодняшний уровень Франции, Италии, и мы уже приближаемся к сегодняшнему уровню Германии. Невозможно себе представить, чтобы, имея такой уровень потребления ВВП на душу населения, мы сохраняли разрыв с ведущими европейскими странами по производительности труда в 2—2,5 раза. Такого не бывает. Это означает, что мы просто не сможем обеспечивать такой уровень потребления. Поэтому для того, чтобы получить сбалансированный рост, для того, чтобы не попасть в известную ловушку, связанную с девальвацией рубля, с коррекцией платежного баланса и обрезанием потребления, нам нужно повесить

производительность труда. Ориентиры поставлены, их поставил Путин: как известно, это повышение в полтора раза к 2018 году.

Вот три задачи, которые перед нами стоят, или, точнее, три особенности предстоящего экономического роста. Это вызов, и именно он определяет повестку реформ.

С большим, на мой взгляд, отрывом от других приоритетов у нас идет улучшение инвестиционного климата. Опять же, особенность России состоит в том, что у нас нет ограничений по объему внутреннего капитала. В России — одна из самых высоких норм валовых национальных сбережений. Она составляет порядка 30% в год. Это очень много, и особенно на фоне того, как мы эти сбережения, этот ресурс используем. Норма накопления, если брать накопления в основной капитал, составляет порядка 20%. То есть разрыв между уровнем валовых сбережений и использованием их на инвестиции — почти 10 процентных пунктов ВВП. Это колоссально много, этот разрыв, в основном это — вывоз капитала. И это вопрос сокращения такого разрыва, вопрос увеличения внутренних инвестиций, это вопрос, прежде всего, инвестиционного климата. Это пункт номер один в повестке реформ, и здесь есть важная особенность: она состоит в том, что нам нужно изменить технологию, нам нужно изменить саму парадигму изменения, улучшения предпринимательского климата. Невозможно делать это бюрократическими способами. Мы долго пытались идти этим путем, и в результате эффект есть, но он не очень велик. Ключевой вопрос, который мы сейчас начали решать — это вопрос подключения предпринимательского сообщества, наших ведущих предпринимательских организаций к принятию решений в этой области.

Надо сказать, что первые результаты уже есть. Когда разрабатывались дорожные карты для национальной предпринимательской инициативы по таким ключевым вопросам, которые мы не могли решить в течение многих лет, как улучшение таможенного администрирования, улучшение регуляторики в строительстве, подключение к электросетям, — включение предпринимательского сообщества в эту работу плюс максимальная

прозрачность и открытость дали потрясающий эффект. Мы смогли договориться с таможней. Это вообще, честно говоря, непросто. Тот, кто когда-нибудь работал с таможенной службой, знает, насколько это сложно, насколько это консервативная организация. Но нам удалось найти общий язык. Правда, для этого нам потребовалось несколько месяцев, но, тем не менее, это удалось сделать, и мы с оптимизмом смотрим в будущее в этом направлении.

Второй приоритет, который я хочу тоже обозначить, — это реформирование системы госуправления и госслужбы. Это задача, которая стоит перед нами. Это вопросы снижения коррупции, и здесь основной рычаг — это, безусловно, прозрачность. Есть достаточно амбициозные, уже сформулированные планы по созданию электронного правительства, по внедрению безбумажного документооборота. Не случайно сейчас в правительство пришел Николай Никифоров, автор электронного правительства в Республике Татарстан, где оно работает достаточно эффективно. Там вообще отсутствуют бумаги в процессе принятия решений. И это приоритет номер два.

Приоритет номер три, как я уже сказал, это реформы в социальной сфере. Причем особенность этих реформ состоит в том, что они будут проводиться на очень ограниченном бюджетном ресурсном пространстве, с очень жесткими ограничениями по финансированию этих расходов. Я думаю, Антон об этом будет говорить: он всегда говорит, что денег нет. Но реформу проводить надо, я уже сказал: это тоже императивная задача.

И четвертый приоритет, который я хотел обозначить (я сейчас заканчиваю), — это приоритет, связанный с созданием системы стратегического управления. Именно потому, что у нас достаточно широкий спектр задач, именно потому, что мы вынуждены одновременно — вынуждены, я подчеркиваю это — решать вопросы, связанные с повышением эффективности, с одной стороны, и, с другой стороны, с реформированием социальной сферы, причем в очень жестких бюджетных ограничениях, — нам надо научиться четко работать в соответствии с приоритетами. До сих пор у нас это не очень получалось, и

сейчас такая задача перед нами стоит, и это приоритет номер четыре, о котором я хотел сказать. Спасибо.

Р. Аганбегян:

Спасибо, Антон Германович!

А. Силуанов:

Спасибо. Я постараюсь коротко.

Коллеги, наши задачи будут исходить из тех вызовов, которые сегодня стоят перед нами.

Первый вызов: мы видим нестабильность мировой экономики. Непонятно, какой будет внешний спрос для наших предприятий в Российской Федерации. От этого будут зависеть и темпы развития нашей экономики, темпы пополнения ресурсной базы бюджетов всех уровней и те возможности, которые имеет государство для финансирования своих обязательств.

Второй вызов — это серьезная зависимость нашей бюджетной системы, в первую очередь федерального бюджета, от внешнеэкономической конъюнктуры. Вы знаете, что 50% всех наших доходов формируется за счет нефти и газа.

Третий вызов — это необходимость реализации так называемого бюджетного маневра за счет того, что необходимо осуществить преобразование в социальной сфере и больше средств направлять на развитие инфраструктуры, поскольку это является основой для развития бизнеса, для поддержания необходимых темпов экономики.

Поэтому какие перед нами задачи? Бюджетная реформа. Я вижу необходимость осуществления мер по снижению зависимости наших доходов и, соответственно, бюджета от тех конъюнктурных доходов, которые сегодня во многом формируют доходную часть бюджета. Это уже обсуждалось здесь, на Форуме. Мы подготовили бюджетные правила, которые должны снизить такую зависимость. Повторю, что сегодня бюджет на текущий год установлен

исходя из цены 115 долларов США за баррель. Достаточно высокая цена. Сегодня такой прогноз кажется уже не реалистичным, хотя два месяца назад казалось, что 115 долларов — это вполне нормально, и когда мы обсуждали динамику цен на нефть, то все думали: ну, подумаешь, 110, 107, 105 — это временно, потом все вернется на круги своя. Ничего подобного, сегодня — уже ниже 90. Поэтому вопрос о том, чтобы снизить влияние колебаний внешнеэкономической конъюнктуры на наши возможности, — это основная задача как раз бюджетных правил. Мы будем рассчитывать наши доходы, исходя из цены на нефть, которая будет складываться за достаточно длительный промежуток времени, с тем чтобы снизить влияние волатильности цен на формирование доходов бюджета. Кстати говоря, если бы мы посчитали цену на нефть, то в этом году доходы бюджета, по бюджетным правилам, должны формироваться исходя из цены 92 доллара США за баррель, а в следующем году — 93. В 2015 году — 94 доллара за баррель при том прогнозе, который сегодня есть, а прогноз исходит из того, что в этом году — 115 долларов за баррель. Если цена будет ниже, то, соответственно, и тренд будет более пологий. Все действительно справедливо говорят: у нас большой не нефтегазовый дефицит. Сравнивают иногда с ситуацией в других странах. Когда в Америке дефицит более 9%, в европейских странах дефицит тоже достаточно высокий. А у нас без нефти и газа дефицит сегодня по плану должен быть 10,6%, поэтому безопасный уровень составляет около пяти. Мы считаем, что нам необходимо в ближайшее время обеспечить хотя бы 7% ВВП, поскольку до кризиса мы имели такой дефицит на уровне около 2—3% ВВП, то есть были, по сути дела, лучше защищены от внешнеэкономических колебаний.

Далее, мы должны обеспечить предсказуемость бюджетных расходов. То есть, исходя из бюджетных правил, мы должны определить потолки бюджета, и в этих потолках мы должны определить те основные приоритетные программы, по которым Правительство Российской Федерации должно двигаться в ближайшие годы. Как раз программный бюджет позволит повысить

эффективность бюджетных расходов, поскольку в результате реализации программ должны быть обеспечены целевые показатели, за которые будут отвечать соответствующие министерства и ведомства. Именно реализация этих целевых задач правительства — есть и конкретное министерство и ведомство, есть и конкретный министр, есть мониторинг реализации этих задач, в рамках тех программ, которые должны формироваться, — и будет тем KPI, о котором в последнее время так много говорят.

Дальше — бюджетный маневр. Мы видим, что сегодня необходимо действительно делать больший упор на развитие социальной сферы, поскольку абсолютно согласны с тем, что образование, здравоохранение требуют вложений со стороны государства. Здесь есть нюансы, потому что здравоохранение у нас уже, кстати говоря, работает по страховым принципам, и здесь получать услугу можно не только в бюджетном секторе, но и на рынке, имея в виду, что страховые платежи все равно будут перераспределяться тем организациям, которые оказывают эту услугу. Вопрос с образованием сложнее: все-таки это бюджетный сектор, и здесь государство должно обеспечить качественное предоставление услуг.

Поэтому нам, конечно, хочется побольше денег. Андрей сказал о том, что Минфин всегда говорит: «Денег нет». Но дело не в этом, потому что в условиях ограничений нужно определять приоритеты. Что мы все-таки хотим финансировать? Оборону или образование? Финансировать инвестиции в строительство образовательных учреждений или повышать качество и модернизацию уже на основании действующих образовательных объектов? И так далее. То есть в каждой отрасли такие приоритеты существуют. Задача нового правительства будет заключаться в том, чтобы четко определить приоритеты. Вы знаете, что денег всегда не хватает, и в условиях, когда мы видим, что доходы наши тоже достаточно волатильны, просто увеличивать расходы и раздувать дефицит — это безумная политика. Поэтому предлагаем осуществить бюджетный маневр за счет перераспределения ресурсной базы

бюджета, которая сегодня уже сложилась и которая есть у нас в трехлетке, и мы сейчас формируем бюджет на последующую трехлетнюю перспективу.

Кратко еще по задачам. Это конкурентоспособность нашей налоговой системы. Мы хотим сделать так, чтобы налогоплательщикам, которые здесь работают, было комфортно. Мы хотим, чтобы уровень налоговой нагрузки был таков, чтоб инвесторы к нам приходили и чтобы перераспределение через бюджет не приводило к тому, что бизнес здесь окажется неинтересен. Кстати, уровень налоговой нагрузки у нас сегодня достаточно конкурентоспособный: уровень налоговых изъятий вместе с нефтегазовыми доходами составляет около 35,6% ВВП. Если без нефтегазового бюджета, то это примерно на восемь—десять процентных пунктов ниже. Это достаточно конкурентоспособный уровень налоговых изъятий.

Далее, мы должны создавать комфортные условия для работы бизнеса. Что это? Упрощение налоговой бухгалтерской отчетности. Мы говорим о необходимости более понятных правил взаимодействия между предприятиями и нашими налоговыми службами, то есть мы говорим о том, чтобы сделать более комфортным режим общения, чтобы, если есть какие-то проблемы, не доводить их до суда, а сделать налоговые разбирательства более понятными и простыми на уровне налоговых органов.

Следующая задача — управление долгом. Мы сейчас создаем специальное агентство, которое будет называться «Агентство по управлению долгами». Оно должно управлять тем объемом накопленных ресурсов правительства (а сегодня это почти 8% ВВП), для более эффективного использования тех резервов, которые мы сегодня накопили. На самом деле, это очень важная мера. В ближайшее время правительство примет такое решение, поскольку у нас есть ФНБ, резервный фонд, еще раз повторюсь, достаточно существенные ресурсы, и мы их сегодня вкладываем в очень консервативные активы. Это хорошо, но мы могли бы получать больше средств от их управления.

Следующая позиция — межбюджетные отношения, об этом тоже шла речь. Необходимо заинтересовать субъекты Российской Федерации, чтобы они

зарабатывали свои собственные средства, и создать стимулы для этого. Плюс адресность и нуждаемость при предоставлении бюджетных средств конкретным получателям. Это тоже наша задача, для того чтобы у Российской Федерации и у ее субъектов было больше прав в этой области. Спасибо.

Р. Аганбегян:

Большое спасибо за вводное слово. Мне кажется, что оно всем нам дало много пищи для размышлений и для вопросов.

Я, наверное, начну. Если будет желание задать вопрос из зала, я сейчас предоставлю такие возможности.

Андрей Рэмович, Вы говорили про улучшение инвестиционного климата, про сбережения. Правильно ли я понимаю: Вы считаете, что фактически в стране есть те самые искомые длинные деньги, которые нужны, чтобы мы могли стать более конкурентоспособными? И если они есть, то каким образом инвестклимат создаст предпосылки для того, чтобы эти деньги куда-то пошли? Что будет транспортной системой туда? Финансовая ли это индустрия? Как их оттранспортировать оттуда, где они есть, туда, где они нужны?

А. Белоусов:

Я понимаю подоплеку этого вопроса. Да, длинные деньги есть, пенсионные деньги (Вы это хотели услышать).

Р. Аганбегян:

Не только, Вы же про сбережения тоже говорили.

А. Белоусов:

Да, безусловно. И инфраструктура у нас есть, которая должна совершенствоваться. Речь идет о фондовом рынке и так далее.

Но я все-таки считаю, что ключевой вопрос, при всей важности финансовой инфраструктуры, — это вопрос мотивов, мотивации. Инвесторы должны

захотеть тратить эти деньги. Сегодня именно здесь сосредоточены основные усилия, именно здесь мы намерены прилагать их дальше.

Я уже говорил, что форматы меняются. Речь идет, прежде всего, о национальной предпринимательской инициативе, которая, в свою очередь, состоит из 22 конкретных направлений по тем болевым точкам, которые существуют.

Собственно, технология состоит в следующем. Создается неформальная рабочая группа во главе с предпринимателем (это обязательное условие), с человеком, который непосредственно заинтересован в результатах. Параллельно, если речь идет о массовых услугах, запускается технология краудсорсинга, для того чтобы мы могли осветить проблему в том числе со стороны широкого круга потребителей. В рабочую группу обязательно входят представители предпринимательского сообщества, представители ведомств и эксперты. Рабочая группа вырабатывает дорожную карту с конкретными сроками, с конкретными результатами, которые можно четко оценить (состоялось событие или не состоялось). Мы привлекли с этой целью одну из крупнейших компаний, Boston Consulting Group (BCG). Она уже полгода помогает нам работать в этом направлении. После разработки этих дорожных карт они утверждаются. Сначала они рассматриваются Агентством стратегических инициатив, наблюдательный совет которого возглавляет Владимир Путин, а после этого утверждаются правительством. Дальше начинается самое интересное. Дальше мы подключаем бизнес, для того чтобы он контролировал ход исполнения этих дорожных карт, причем не только формально, как у нас обычно бывает (принят закон, принято постановление — соответственно, поручение исполнено), а по существу: удалось ли решить данную проблему и почувствовали ли люди на местах, люди в регионах, что им стало лучше. Вот это, собственно, основная задача мониторинга. Этот мониторинг постоянный, и он будет проводиться в предельно открытом режиме. Открытость здесь является, на мой взгляд, ключевым залогом успеха. Вот такая примерно работа.

Р. Аганбегян:

Спасибо!

Антон Германович, вопрос к Вам. Место, идеи и дискуссия о перераспределении бюджетов между федеральным центром и регионами. Актуальна ли эта задача? Мне показалось, что Вы ее сейчас не упомянули. Какова Ваша позиция: нужно это делать или не нужно? Вписывается ли эта задача в бюджетные правила?

А. Силуанов:

Понятно. Ну, на самом деле задача перераспределения ресурсов между федерацией и субъектами, действительно, стоит: ее поставил Дмитрий Анатольевич Медведев, и сейчас в правительстве ведется обсуждение этого вопроса. Что подразумевается? Подразумевается передача субъектам Российской Федерации ряда федеральных функций в области надзора, контроля, реализации отдельных полномочий. Причем если сегодня целый ряд функций передается в виде делегированных полномочий, то предлагается рассмотреть возможность их передачи как собственных полномочий. То есть если сегодня мы предоставляем полномочия, даем трансферты субъектам Российской Федерации, то мы могли бы передать их как собственные полномочия, с правами нормативно-правового регулирования этого полномочия, плюс передать собственные доходы субъектам Российской Федерации.

Подготовлен целый перечень таких полномочий. В ближайшие месяцы (наверное, месяц—два) должны быть проведены обсуждения этих вопросов с субъектами Российской Федерации. После того, как будет обчислена ресурсная база этих полномочий (будут переданы доходные источники, будет определено, в какой форме будем передавать эти полномочия, — в виде собственных, либо делегированных; потом будут определены доходные

источники в виде налоговых доходов либо межбюджетных трансфертов), — эта задача будет стоять уже на повестке 2013—2015 годов.

Р. Аганбегян:

Короткий вопрос. Хотел бы, чтобы вы оба как-то ответили. Я не услышал слова «приватизация» ни у одного из вас во время ваших выступлений. Значит, это не приоритет? Или об этом уже много сказано, зачем еще повторять? Не хотел бы вкладывать ответ в ваши уста. Не могли бы вы высказать свою позицию: с точки зрения именно того, чем вы занимаетесь, где место этому?

А. Белоусов

Вопрос, прежде всего, ко мне. Конечно, этому вопросу в последние месяцы уделялось столько внимания, в том числе и в средствах массовой информации, что здесь практически все сказано.

Могу сказать, что сейчас, наконец, расширенная программа приватизации утверждена. Она носит очень амбициозный характер. Достаточно сказать, что в прошлом году объем выручки от приватизации составил у нас 121 миллиард рублей. Это абсолютный рекорд за все годы приватизации. Правда, из них почти 100 миллиардов пришлось на продажу пакета ВТБ. В этом году наш план — порядка 300 миллиардов рублей. Уже подготовлен к продаже достаточно обширный пакет госсобственности. Туда входят, как известно, несколько портов, крупные предприятия, такие, как «Апатит», «СГ-Транс», ориентировочной стоимостью примерно по 10 миллиардов рублей. Плюс часть пакетов из того большого перечня, который был определен правительством еще в прошлом году. В частности, речь идет о пакете «Сбербанка», который подготовлен к продаже, о пакете «Объединенной зерновой компании» (собственно, продажа уже, можно сказать, состоялась). «Совкомфлот» готов к продаже и ряд других. Если эти планы реализуются, если рынок позволит это

сделать, то, в принципе, я думаю, что мы выйдем на те объемы, которые запланированы.

А. Силуанов:

Приватизация имеет две цели. Первая цель — структурная. Конечно, это снижение доли государства в экономике. Это принципиально важная мера. Вторая мера — конечно, ресурсная: пополнение ресурса бюджета. Андрей правильно сказал, что в этом году у нас по плану 300 миллиардов рублей. Существенные доходы. В следующем — 380 миллиардов рублей, а в 2014 году, если память мне не изменяет, 425 миллиардов рублей. То есть деньги не маленькие.

Но что здесь важно? Когда мы реализуем структурную меру, важно, чтобы пакеты (особенно если речь идет о крупных пакетах) купили не перепродавцы, которые бы хотели заработать на этом, продать их через полгода—год, а чтобы их купили стратегические инвесторы, с тем чтобы можно было с ними, может быть, даже заключить какое-то инвестиционное соглашение о дальнейшем развитии этого бизнеса. Не с целью заработать, а с целью именно развития тех направлений. Особенно это касается наших компаний (не финансового сектора, а компаний) — чтобы можно было сказать, что это была эффективная сделка. Спасибо.

Р. Аганбегян:

Спасибо за ответ.

Давайте попробуем из зала. Кто хотел бы задать вопрос? Пожалуйста.

Из зала:

Спасибо, Рубен.

Мой вопрос — по поводу пенсионных распоряжений. Долгосрочные, длинные деньги. Какие планы у нового правительства по поводу накопительных пенсий? Просто мне кажется, что это основной момент в мобилизации

длинных денег, и у инвесторов существуют сомнения. Это ключевой вопрос для фондового рынка, для инвестиций и так далее. Пожалуй, я не задал бы этот вопрос, если бы ЦБ не создал предпосылки для этого: я имею в виду очень успешные результаты с внедрением инфляционного таргетирования, положительные процентные ставки в реальном выражении и так далее. Так что есть все, кроме мобилизации. Спасибо.

А. Силуанов:

Достаточно много вопросов в одном вопросе.

Что касается накопительной пенсионной системы, то сегодня там накоплено (поправьте, если я неправ) около четырех триллионов рублей. Действительно, это ресурс достаточно существенный. Мы сегодня думаем над тем, чтобы расширить перечень активов, в которые могли бы вкладываться эти пенсионные накопления, с тем чтобы можно было использовать их и в качестве ресурса длинных денег для реализации инфраструктурных проектов, которые могли бы дать в последующем отдачу, и чтобы это, естественно, были возвратные деньги.

Что касается накопительной системы как элемента пенсионной системы. Вы знаете, мы сегодня рассматриваем различные вопросы. Еще раз повторюсь, что по пенсионной системе Правительство Российской Федерации должно определиться в ближайшее время, и осенью мы должны представить в парламент свои предложения о том, какой пенсионная система будет в ближайшем будущем.

По накопительной системе есть предложения, чтобы предоставить право больше использовать эту систему в отраслевом формате, с тем чтобы предприятия, организации более самостоятельно участвовали в обеспечении именно этой части пенсионной системы, чтобы стимулировать граждан участвовать в накопительных системах самостоятельно. Не то что эти 6% в рамках страховых взносов направляются у нас сегодня в накопительную часть, а есть предложение, чтобы перераспределить часть этих средств

внутри пенсионной системы, обеспечив большую устойчивость Пенсионного фонда. А по накопительной части — предоставить соответствующим отраслевым пенсионным системам право формировать эту часть и привлекать в нее как можно больше собственных средств граждан. Я бы так пока ответил.

Р. Аганбегян:

Андрей Рэмович, Вы хотите что-то добавить?

А. Белоусов:

Да, я бы отметил здесь два момента.

Первый момент связан с тем, что мы сейчас действительно рассматриваем в качестве основного приоритета ускоренное развитие негосударственных пенсионных фондов и стимулирование населения к вложению средств в эти фонды. Здесь ключевой вопрос связан с обеспечением страхования тех средств, которые в них будут вложены. Наше министерство готовит соответствующие законопроекты, и мы рассчитываем на то, что в осеннюю сессию эти законопроекты будут приняты. Они создадут правовую защиту средств населения, которые находятся в негосударственных пенсионных фондах, и создадут возможности для их наращивания.

Вторая тема, которую Вы подняли, является ключевой, потому что, действительно, если реальные процентные ставки у нас во многих случаях отрицательны, то очень трудно найти сферу применения этих накоплений, потому что они должны нормально воспроизводиться, они должны размещаться, по крайней мере, по положительным реальным процентным ставкам. Но у нас есть, на самом деле, достаточно много сфер применения, где процентные ставки вполне положительные, и есть механизмы, которые обеспечивают в принципе нормальную защиту.

Один из таких примеров — это инфраструктурные облигации. Мы можем вкладывать соответствующие средства в инфраструктурные облигации, обеспечивая через механизм гарантий соответствующие решения.

Или другое направление. У нас сейчас есть механизм предоставления госгарантий по крупным инвестиционным проектам. Сам механизм достаточно громоздкий, сложный. Тем не менее, он есть. Мы сейчас думаем о том, как его улучшить. Но при наличии таких инвестиционных проектов, которые защищены со стороны государственных институтов, будь то бюджет или, например, «Внешэкономбанк», который тоже может давать поручительство, — в принципе, такие проекты тоже могут быть объектами приложения пенсионных денег.

Р. Аганбегян:

Спасибо большое. Вот с этой стороны есть вопрос.

Н. Мельников:

Мельников Никита Олегович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области.

Господа, я ни слова не услышал по поводу тарифного регулирования. У нас закончился выборный цикл. Будем ли мы следующие пять лет работать с тарифами в области ЖКХ, в области энергетики на уровне экономических механизмов или административных? То, что сегодня есть, в виде противоречия по тем постановлениям правительства, которые доходят до мест, — это 6%. Или мы будем считать это экономически обоснованным?

А. Белоусов:

Вы знаете, я категорически не согласен с подоплекой Вашего вопроса, с выпячиванием этой экономической составляющей. Знаете, очень часто мы говорим «экономически обоснованные», когда покрываем свою бесхозяйственность. Мы расплодили в регионах разного рода посредников, которые в ряде случаев аффилированы с местными властями на уровне муниципалитетов или на уровне регионов и которые занимаются, попросту говоря, называя вещи своими именами, обиранием предприятий и населения.

Очень часто нам предлагают установить такой уровень тарифов, который все это безобразие будет покрывать. Так не будет, могу Вам сказать это совершенно ответственно. Еще в прошлом году приняты принципиальные решения для того, чтобы тарифы росли в соответствии с инфляцией, а на местах, в том числе в регионах, изыскивались ресурсы для повышения эффективности. Вот это — главный путь. Хотя, в ряде случаев, конечно, из этого правила делаются исключения. Но это отдельные, единичные случаи, когда мы можем допускать рост тарифов выше инфляции. Отдельные, единичные случаи — я хочу это подчеркнуть. Иначе мы будем заниматься тем, что станем перекладывать нагрузку, которую создают наши монополисты (в том числе искусственно созданные монополисты в регионах), на население.

А. Силуанов:

Действительно, я могу кое-что добавить.

В некоторых субъектах Российской Федерации складывалось особое тарифообразование, когда тарифы не отвечали экономически обоснованному значению, и в этих субъектах Российской Федерации действительно может стоять вопрос об особых темпах изменения этих тарифов, поскольку субъекты субсидировали предприятия коммунального хозяйства для того, чтобы тарифы были ниже экономически обоснованного тарифа. Вопрос о том, будет ли дальше происходить такое субсидирование, или все-таки тарифы нужно повышать более высокими темпами — это вопрос, конечно, взаимоотношений между субъектами и Федеральной службой по тарифам. Но, в любом случае, это должен быть очень экономически привлекательный, инвестиционно привлекательный сектор, потому что постоянно существует денежный поток, постоянно существует потребление в этом секторе. И во всем мире это очень конкурентоспособный сектор экономики. Чтобы так было и у нас, нужно действительно говорить (я с Андреем Рэмовичем согласен) не о повышении тарифов, а о ресурсосбережении, поскольку у нас вся эта коммунальная система — дырявая сплошь, правильно? Поэтому туда нужны инвестиции. И

вложенные инвестиции дают существенную экономию. Можно вообще говорить не об увеличении тарифов, а о том, чтобы тарифы просто не менялись. В этой области — большие ресурсы, большие резервы для экономии и, соответственно, перспективы получения хорошей прибыли. Но для этого должна быть понятная тарифная политика, о чем как раз и говорил Андрей Рэмович.

А. Белоусов:

Разовью этот тезис. «Внешэкономбанк» уже, по сути дела, разработал конструкцию страхования контрактов, связанных с энергосбережением, — типовых контрактов, в соответствии с поручением, которое дал Путин, будучи еще премьер-министром. Это будет схема, которая позволит принимать риски реализации таких контрактов на «Внешэкономбанк». Сейчас эти механизмы запускаются вместе со «Сбербанком». У них, насколько я знаю, заключено (или будет заключено) соответствующее соглашение по реализации этой конструкции. Вот это является магистральным путем решения проблем, о которых сказал коллега и о которых сейчас говорил Антон.

Р. Аганбегян:

Как модератор хотел бы задать вопрос сам, воспользовавшись служебным положением. Мой вопрос — по поводу МФЦ. Вы все назвали основные приоритеты, но ни в одном из них не упомянуты ни финансовая система, ни Международный финансовый центр как проект. При этом оба ваших министерства — очень активные участники регуляторного процесса в этой сфере. Насколько этот проект является приоритетным, будем ли мы его продолжать?

А. Силуанов:

Ну, тут задача номер один. Действительно, в наших выступлениях мы не могли, наверное, обозначить все приоритеты.

МФЦ — один из наших приоритетов. У нас целая группа коллег работает в правительстве над решением этой задачи. Сейчас подготовлен проект дорожной карты по созданию МФЦ, причем она состоит не только из действия федерального правительства, но и из действия московских властей — с тем чтобы обеспечить инфраструктуру для такого центра.

На самом деле МФЦ — это не только финансы. Это инфраструктура, это нормальная судебная система, защита прав собственности, это создание условий для понятной, прозрачной деятельности инвесторов. То есть здесь присутствует комплекс таких структурных преобразований, которые дают возможность сказать: да, Москва может быть международным финансовым центром.

Поэтому мы сейчас принимаем необходимое законодательство. Принят закон «О Центральном депозитарии». Сейчас обсуждается вопрос, как открывать счета в этом Центральном депозитарии, какие иностранные депозитарии будут допущены сразу, а какие — чуть позже. Процесс этот, конечно, не такой быстрый, коллеги, как нам хотелось бы, но это одна из ключевых задач, решить которую необходимо, чтобы мы могли торговать нашими финансовыми инструментами не на Лондонской бирже или в Нью-Йорке, а здесь, в Москве; чтобы наши бумаги продавались не на зарубежных площадках, а здесь, в Москве. Эта задача реализуется, но, к сожалению, потребуется время, чтобы все это можно было сделать.

Р. Аганбегян:

Спасибо большое.

Вопрос в агросекторе, в связи со вступлением России в ВТО.

А. Белоусов:

Я должен сказать, что вчера, на встрече с инвесторами, я назвал сельское хозяйство как пример сектора, к которому еще в 90-е годы все относились как к абсолютно бесперспективному и доживающему последние годы; а за

последние десять лет он стал одним из наиболее инвестиционно привлекательных. Сегодня объем инвестиций, который идет в сельское хозяйство, превышает объем инвестиций, который идет в электроэнергетику и составляет 13 миллиардов долларов США ежегодно. Объемы инвестиций в этот сектор выросли за десятилетие примерно в два раза.

Присоединение к ВТО, на самом деле, является одним из факторов, которые, как мы считаем, будут работать в плюс для сельского хозяйства, при условии, что там будут реализованы намеченные мероприятия. Я хочу сказать, что, по условиям присоединения к ВТО, мы имеем право на то, чтобы увеличить помощь почти в два раза, до девяти миллиардов долларов ежегодно. Сегодня на поддержку сельского хозяйства мы тратим порядка пяти миллиардов долларов.

Но необходимо реализовать целый ряд мер. Эти меры сейчас предусмотрены. Существует план адаптации российских отраслей к ВТО, и, в основном, что касается сельского хозяйства, они сводятся к тому, чтобы те формы поддержки сельскохозяйственных предприятий, компании, которые у нас на сегодня есть (это, прежде всего, субсидирование процентных ставок, отдельных видов расходов, например, покупка минеральных удобрений, приобретение сельхозтехники и ряда других затрат), перевести в формы, соответствующие условиям ВТО. Работа, в общем, не бог весть какая сложная, но, тем не менее, ее надо сделать. Если мы ее сделаем, если мы все это реализуем, я считаю, что угрозы для сельского хозяйства в связи с присоединением к ВТО будут минимальные. Зато здесь очевидны плюсы, связанные с тем, что сельское хозяйство, как и вся российская экономика, будет работать по понятным и стандартным для инвесторов правилам. Мы рассчитываем, что рост инвестиций в сельском хозяйстве продолжится.

И последнее. Хочу добавить, что мы вместе с Министерством сельского хозяйства указали в прогнозе на этот год темпы роста сельского хозяйства, соответствующие примерно 2%. Так вот, сейчас сельское хозяйство растет с темпом 4% — в два раза быстрее, чем прогнозировалось. Судя по

ожидаемому урожаю, я думаю, что результаты, по крайней мере, по этому году в сельском хозяйстве будут более значимыми, более крупными, чем мы предполагали еще в начале года. Спасибо.

Р. Аганбегян:

Спасибо большое. Я хотел бы передать слово...

П. Архипов:

«УралВагонЗавод», Архипов Павел, руководитель программы инновационного развития. Много говорится о диверсификации экономики, и одним из ключевых факторов диверсификации считается инновационное развитие и создание инновационной инфраструктуры. Достаточно существенные инициативы государства прошлых периодов привели к тому, что корпорации с госучастием создали свои собственные инфраструктуры, и, в общем-то, мы ожидаем аналогичной инициативы со стороны государства. Является ли создание инновационной инфраструктуры приоритетом государства, и каким образом, в какие периоды такая инициатива будет реализована?

А. Белоусов:

Вообще, про инновационные инфраструктуры мы говорим (и не только говорим, но и делаем их) уже по крайней мере последнее пятилетие, и здесь мне вопрос кажется немножко странным, поскольку они общеизвестны: это «Сколково», создание технопарков и так далее. Могу сказать, что сейчас начала реализовываться новая инициатива — инициатива по созданию инновационных кластеров. Существует очень большой интерес к этой теме, были разработаны соответствующие критерии, в конкурсе участвовало несколько десятков проектов создания инновационных кластеров. Сейчас конкурс завершен, есть две группы победителей. По одной из групп разработаны соответствующие бизнес-планы, участники имеют очень четкое представление о том, как этот инновационный кластер должен выглядеть, и по

поводу таких инновационных кластеров мы обратимся в правительство с предложением оказывать победителям поддержку в форме субсидий. Цена вопроса — порядка пяти миллиардов, и я надеюсь, что Антон Германович нас поддержит, имея в виду значение этой инициативы для развития нашей экономики и общества как раз в инновационном плане. Кроме того, мы еще выделили группу, где такая поддержка будет оказываться в организационном плане, понимая, что там не требуются особые деньги, но нужна организационная поддержка.

А. Силуанов:

Конечно, мы поддержим инициативу Андрея Рэмовича в рамках бюджетных ограничений.

Что касается деятельности государства в области инноваций, то созданы технопарки, созданы особые экономические технико-внедренческие зоны. Пожалуйста, если есть инициативы, там существуют особые режимы, льготное налогообложение. Можно использовать те инструменты, которые уже запущены. Нужно просто работать, есть все возможности для этого.

Л. Шуб:

Леонид Шуб, кинокомпания Proline-film. Вы нас знаете по фильму «Фауст» Александра Сокурова.

У меня вопрос к Антону Германовичу. Все знают такую прекрасную фразу: «Искусство спасет мир». Но на сегодняшний день в нашей налоговой системе нет никаких льгот для бизнесменов, которые готовы поддерживать искусство, которые готовы двигать его. Какова Ваша позиция: насколько это вообще важно, насколько что-то планируется в этом плане?

А. Силуанов:

Мы считаем, что вопрос культуры, культурного развития — это, конечно, один из самых главных приоритетов. Кстати говоря, мы всегда шли навстречу

предложениям Министерства культуры по увеличению расходов федерального бюджета на эту сферу. К сожалению, получалось так, что не всегда эти ресурсы использовались достаточно эффективно. Поэтому любые предложения по поддержке культуры, искусства, о чем Вы говорите, всегда находят отклики в Правительстве Российской Федерации.

Что касается льгот. Мне кажется, если мы ставим задачу, то не обязательно решать ее с помощью льгот. Можно выделить какие-то приоритеты, которые, в конце концов, можно поддерживать в том числе и за счет бюджетных средств. Это могут быть какие-то субсидии, какие-то проекты финансирования. Что касается льгот для бизнесменов, которые хотят вкладываться в искусство, то у нас есть определенная льгота при осуществлении благотворительной деятельности. В основном это и должно быть благотворительной деятельностью со стороны бизнеса для развития этого направления. Поэтому сегодня действующая налоговая система позволяет иметь особый льготный порядок расходования средств в рамках благотворительной деятельности на поддержку учреждений культуры или на культурные мероприятия. Спасибо.

Из зала:

Мы четко услышали ваши все выступления, спасибо за информацию, но хотелось бы знать. У нас у всех в памяти большая статья Дмитрия Анатольевича Медведева «Россия, вперед!». И вот сегодня я не услышал, будет ли программа разработана? Да, мы отстаем по производительности труда от передовых стран, но самим промышленникам с этим не справиться, нужна программа модернизации промышленности. Потому что сегодня у нас в промышленности до 70% станков — старше 25 лет. Это один из важнейших вопросов.

Второй вопрос. В стране всегда был наш «локомотив» — это оборонка, которая разрабатывала продукты, нужные стране. Сегодня мы видим, что этот вопрос — тоже в тени. Поэтому хотелось бы, чтобы вы создали какие-то программы, чтобы инвесторы не вывозили по 60—80 миллиардов долларов от

нас туда, а оставляли бы их здесь. Давайте подумаем на этот счет. Мы будем вам очень признательны и благодарны.

А. Белоусов:

Спасибо. Мне, честно говоря, несколько странно слышать, что промышленники не сделают таких программ, поэтому пусть работает государство. Мы-то как раз считаем, что именно промышленники и должны реализовать программу модернизации. Государство для них должно создать льготные благоприятные условия, прежде всего путем создания благоприятного предпринимательского климата для того, чтобы те, кто инвестирует деньги, кто инвестирует ресурсы в соответствующие инвестиционные проекты, были бы, во-первых, уверены в том, что сделать это будет легко, и, во-вторых, чтобы эти инвестиции были защищены. Но где-то, безусловно, необходима и прямая поддержка. Это касается в том числе и развития организации оборонно-промышленного комплекса. Вы прекрасно знаете, что сейчас разработана и принята Федеральная целевая программа развития оборонно-промышленного комплекса, беспрецедентная по объему ресурсов, которые будут вкладываться в этот сектор. Я не могу называть цифры, потому что они закрытые, но они выросли в разы по сравнению с тем, что было раньше.

На самом деле, более и сложные вопросы. Я считаю, что развитие оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом сейчас связано, может быть, не только и не столько с деньгами. На первом месте — кадры. Сейчас главная задача — инженерные кадры, квалифицированные работники.

Я никогда не забуду, как во время моего приезда на один из авиационных заводов обнаружил там рабочих с болгарками, потому что там стоят станки выпуска еще 60-х годов. Они низкооборотные, они не могут обеспечивать требуемой точности обработки, поэтому опытные работяги, примерно предпенсионного возраста, доводят эту точность болгарками. Директор завода, не буду называть его фамилии, говорит: не дай бог этот рабочий уйдет

на пенсию, тогда все вообще остановится. Вот это главные проблемы: и наличие устаревших станков, и необходимость привлечения кадров. Именно здесь — точка приложения усилий и соответствующие задачи, планы, и уже много чего делается.

Р. Аганбегян:

Спасибо! С этой стороны, если можно.

О. Брекшин:

Олег Брекшин, Ассоциация российских банков.

Тема нашей сессии — это развитие экономики, планы российской экономики на ближайшее десятилетие. Есть известный указ Владимира Владимировича Путина от седьмого мая, где ставятся задачи перед правительством и, в частности, поставлена задача: выйти по условиям ведения бизнеса в России, по оценкам Всемирного банка, с нынешнего 120-го места как минимум на 50-е место к 2015 году, и к 2018 году — на 20-е место. Считаете ли Вы те меры, которые Вы перечислили, достаточными для того, чтобы выйти за ближайшие 2—2,5 года на 70 мест вперед по оценке Всемирного банка? Речь идет о стимулировании инвестиций, об обновлении капитала, а у нас на сегодня получается несколько другая ситуация.

Собственно, источников не так уж много. Это средства банков, это бюджет, это собственные средства предпринимателей и иностранный капитал. Стимул должен быть где-то здесь, где-то в этой области. А если мы смотрим, скажем, на банки как на один из источников? На этой неделе во Франкфурте состоялось выступление одного из председателей правления Центрального банка, Сухова, который предлагает штрафовать банки дополнительным резервированием при установлении длительных льготных периодов. Это известный инструмент стимулирования инвестиций в мировую экономику. Банки будут наказывать за длительные льготные периоды.

И опять же, модернизация и инновация. Центральный банк сейчас делает всё, в рамках решений «Большой двадцатки», чтобы бороться с рисками, а модернизация — это риски, инновация — это риски. Как предполагается решать проблему модернизации в условиях ужесточения условий по рискованным операциям? Спасибо.

А. Белоусов:

Прежде всего, я должен сказать, что дорожные карты, которые я упоминал с самого начала, именно так и делаются. Они делаются, исходя из задачи переместиться до 2020 года с сегодняшнего 120-го места на 20-е, и разрабатываются они очень просто. По каждому направлению берутся лучшие мировые практики, и мы оцениваем ту или иную сферу. Скажем, таможня оценивается по количеству документов, которые должны быть предъявлены при растаможивании грузов, а стройка — по количеству разрешительной документации, по срокам принятия соответствующих решений в связи с выдачей разрешений на строительство. Когда, к какому году мы сможем выйти на лучшие мировые практики в этом плане? Дорожные карты разрабатываются исходя именно из этих критериев. Те дорожные карты, о которых я говорил, в рамках национальной предпринимательской инициативы, это и есть конкретный план выхода на 50-е, а потом на 20-е место. Именно такая задача сейчас и стоит. Хотя, конечно, сам по себе рейтинговый бизнес никто не абсолютизирует: для нас важна подоплека этого рейтинга, те параметры, те ориентиры, которые стоят за теми или иными местами.

Что же касается ужесточения требований к рискам, то Вы, как банкир, я думаю, имеете в виду ужесточение требований по параметру Н-1. То, что Центральный банк пересматривает оценки рисков, — на мой взгляд, абсолютно правильно.

Я должен сказать, что в последнее время в нашей банковской системе уровень достаточности капитала снижается. Есть такая тенденция. На начало прошлого года достаточность капитала, то есть соотношение капитала по

отношению к активам, взвешенным по уровню рисков, составляла у нас 18%, а сейчас она составляет порядка 14% с небольшим. Это при том, что норматив, который ставится, составляет 10%, и у нас есть уже целая группа банков, которая приблизилась к этому 10%-ному уровню вплотную. Мы эту проблему видим, и Центральный банк ее видит. Именно поэтому он предпринимает действия, особенно в условиях нестабильности в Европе и учитывая то, что происходит сейчас с банковской системой Италии, с банковской системой Испании, с бегством вкладчиков из южных банков, из банков Испании, Франции в северные банки — в банки Швейцарии и Германии. На этом фоне Центральный банк абсолютно правильно принимает меры по повышению защищенности посева, защищенности вкладчиков — прежде всего, меры по повышению требований к капиталам банков. Одновременно разрабатываются меры, которые в случае кризиса позволят правительству быстро принять решение, чтобы поддержать капитализацию банков. Банковскую систему, банки никто не бросит в беде. Если вы помните 2008 год, именно тогда были приняты самые радикальные решения по отношению к банковской системе, для того чтобы сохранить доверие вкладчиков, чтобы сохранить доверие к банковской системе в целом. И, надо сказать, что у меня в этом отношении есть некий оптимизм, связанный с ситуацией в мае. В мае, когда вслед за ослаблением евро у нас началось существенное ослабление рубля, и рубль ослаб за май примерно на 15 %, то, слава богу (я очень тщательно следил за поведением населения), никаких признаков паники, никакого движения из рублей в валюту не было. Население начало сбрасывать евро и покупать доллары, но никто не побежал из-за рублей. На мой взгляд, это свидетельствует в том числе и о правильности тех действий, которые проводят монетарные власти, например, предъявляя повышенные требования к банковской системе. Спасибо.

А. Силуанов:

Я могу немножко добавить. Наша задача — повышение рейтинга страны (я имею в виду бизнес). На самом деле, коллеги, мы встречались с представителями Всемирного банка, который осуществляет оценку стран по этому рейтингу. Мы встречались по вопросам налогов. Среди критериев оценки присутствуют такие показатели, как количество налогов, время, которое тратит налогоплательщик на заполнение налоговых деклараций, время открытия бизнеса — сколько времени потребуется для того, чтобы открыть бизнес, сдать налоговую отчетность и так далее. И что выясняется? Те показатели, которые берутся для оценки России по налоговой тематике, к сожалению, не всегда соответствуют действительности. Наша налоговая служба, мы, минфиновцы, очень предметно разбирались со специалистами Всемирного банка, почему нас так низко оценивают. На наш взгляд, существуют и проблемы с оценкой. Я встречался с руководителями Всемирного банка. Кстати, примерно месяц назад к нам приезжала специальная миссия по налогам. Думаю, что отношение Всемирного банка и показатели, которые берутся для оценки России, будут все-таки скорректированы, и мы сможем в ближайшее время, с учетом объективных ситуаций, повысить свой уровень в этом рейтинге, исходя из реалий, которые действительно складываются, а не из того, что берется в расчет при вычислении этих показателей.

Р. Аганбегян:

Спасибо большое! У нас осталось четыре минуты, и я хотел бы завершить сегодняшнюю сессию вопросом следующего плана.

Много говорится об открытости, об обратной связи, активно обсуждается открытое правительство как инициатива. И я уверен, что всем присутствующим хочется встречаться не раз в год на подобных брифингах, а иметь возможность, быть может, послать каким-то образом весточку, получить обратную связь. Насколько это важно для Вас? Как Вы видите это в своей работе? Как планируете это делать через Общественный совет и через какие-

то другие формы? Хотелось бы, чтобы все присутствующие узнали сегодня, каким образом они, при желании, могли бы принять посильное участие в этом процессе.

А. Силуанов:

Абсолютно согласен. Иногда кажется, что министерства, ведомства, правительство работают в каком-то своем режиме, в своем формате. Мы, действительно, иногда, может быть, упускаем из виду необходимость более широкого представления деятельности соответствующих министерств и ведомств, даже Министерства финансов. Мы каждый день варимся в своих вопросах, проблемах. Ни о какой закрытости, естественно, речи не идет. То есть Рубен абсолютно правильно говорит о необходимости более широкого информирования: какие у нас мысли, какие шаги мы хотим предпринять, какие развилки рассматриваются. Кстати, электронный бюджет, о котором мы говорим, будет во многом направлен именно на открытость принятия решений, чтобы вы, коллеги, инвесторы, понимали, какими категориями мыслят сотрудники того или иного ведомства, потому что понимая, что творится в головах Минфина — предположим, какими категориями мы мыслим, — можно делать и дальнейшее прогнозирование, и свои расчеты, в том числе и по бизнесу, для открытия бизнеса, для ведения бизнеса и так далее. Это очень важно, и мы абсолютно согласны с необходимостью повышения прозрачности нашей работы. Это, конечно, и открытое правительство, и, наверное, общение через Интернет. У нас есть сайт Министерства финансов, через который всегда можно обратиться к нам, и мы сможем оперативно ответить на вопросы, которые вас интересуют.

Кстати говоря, когда мы обсуждаем бюджет (основная наша задача — составление бюджета), у нас существует такое понятие, как нулевое чтение с Государственной Думой. Есть специально выпускаемые иллюстрированные книжки с основными параметрами бюджета. Там можно узнать, как просчитаны те или иные расходы, почему они подсчитаны так, а не иначе. Мы

стремимся идти в этом направлении. Может быть, у нас это не всегда получается, но надо быть более открытыми. С этим я абсолютно согласен.

Р. Аганбегян:

Андрей Рэмович.

А. Белоусов:

На самом деле мы считаем, что открытость — это ключевой составной технологический элемент нашей работы. Если общество и, прежде всего, те социальные группы, на кого направлены и кому предназначены наши усилия, наши потребители по совершенно конкретным направлениям не понимают или зачастую даже не знают, что происходит, — это просто ключевая недоработка: мы не достигаем результата. Поэтому есть несколько вопросов и несколько направлений, по которым мы здесь намерены продвигаться. Я назову четыре из них.

Во-первых, конечно, это формирование экспертных советов — не только для информирования и даже не столько для информирования, сколько для участия в процессе принятия решений. Безусловно, решения будут приниматься министром, заместителями министра: это наша ответственность, и мы не можем ее размывать. Но в выработке решений, безусловно, должны принимать участие те группы, на которых эти решения направлены, — прежде всего, предпринимательское сообщество. Это первое. И здесь мы планируем их привлечь: в том числе в рамках работ по оценке регулирующего воздействия, по выработке целого ряда законопроектов.

Второе направление. Мы сейчас завершаем формирование команды, прежде всего команды заместителей министра. Практически она уже сформирована: там будут, возможно, назначены еще один—два человека. И я намерен все-таки сделать работу этой команды предельно публичной, в том числе предложить коллегам разработать KPI, которые мы озвучим и на которые

будем ориентироваться сами, и дадим возможность экспертному совету, обществу отслеживать, как идет достижение этих показателей.

Третье направление. Я намерен существенно усилить работу нашей пресс-службы, всей системы, которая работает с журналистами, сделать общение с журналистами повседневной практикой. То есть не только устраивать брифинги от случая к случаю, а сделать это более систематическим и более повседневным.

И четвертое направление — то же самое, о котором сказал Антон: сделать более открытым наш сайт, портал министерства, расширить возможности доступа на него.

Существует и еще одно очень важное направление. У нас есть целый ряд публичных услуг: скажем, такие услуги, которые предоставляет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр): это 40 тысяч человек по всей стране, территориальные отделения, с которыми работают миллионы людей. Практически любой взрослый гражданин страны хотя бы раз в жизни сталкивается с системой регистрации прав собственности или системой кадастрирования. Я намерен в таких случаях создать систему публичной оценки пользователями работ и услуг на местах — как, например, сделал Греф в системе «Сбербанка». Мы считаем, что для оценки деятельности это тоже очень важное направление.

Р. Аганбегян:

Спасибо огромное! Давайте поблагодарим Антона Германовича и Андрея Рэмовича за этот брифинг. Спасибо вам большое. Приношу извинения, если кому-то не удалось задать свой вопрос: уверен, такая возможность еще представится. Спасибо.